

УДК 94

ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ В СИСТЕМЕ «БАЛАНСА СИЛ» ВО ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ МЕРОВИНГОВ

Н.Ю. Бикеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения королевской власти и церкви во Франкском государстве VI в. и выясняется, какую роль в них играли женские монастыри. «Долевое королевство» (Teilreich) франков представляло собой государственное образование, в котором церковь наделялась функциями светской власти, а мирские правители стремились приобрести атрибуты религиозного авторитета. В условиях политической нестабильности, слабой бюрократизации и широчайшей системы личных связей возможность участия в социальной и политической жизни появлялась и у женщин, в том числе монахинь. В связи с этим в статье делается следующий вывод: во Франкском королевстве второй половины VI в. монастыри, включая женские, были не только духовными обителями, но и альтернативными органами власти. В период раннего средневековья они стали важными элементами в системе различных социокультурных и политических взаимодействий. Вследствие этого женские монастыри, несмотря на свою замкнутость, играли в рассматриваемую эпоху значительную роль в жизни городских поселений, выполняли как духовные, так и социальные, экономические и политические функции.

Ключевые слова: Франкское королевство, Teilreich, женский монастырь, структуры власти, епископат, баланс сил, раннее средневековье, св. Радегунда, Григорий Турский

Властные структуры и принципы их функционирования во Франкском королевстве¹ второй половины VI в. представляют собой одну из наиболее важных и запутанных тем позднеантичной и раннесредневековой истории. По мнению Р. Ле Жан, могущество королей в этот период в большой степени основывалась на способности отправлять свою власть в правовых рамках общества Франкского королевства и с оглядкой на церковь [2, р. 1227]. Тесная связь между королевской властью и церковью во Франкском государстве VI в. заслуживает особого внимания, поскольку выступает важным элементом в истории ранне-средневековой государственности. М.Ю. Парамонова подчёркивает, что «истолкование механизмов взаимодействия религиозного и политического дискурсов»

¹ Хотя королевство франков в течение VI в. неоднократно разделялось на части, современные исследователи склоняются к мнению, что его можно называть именно королевством; немецкие историки дали этому феномену название *Teilreich* – «долевое королевство» (см. [1, с. 68]).

является одним из вопросов, «определяющих стратегию современных исследований в сфере политического сознания» [3, с. 44]. Исследователи также указывают на то, что «сотрудничество королевской власти и епископата приняло особые, только этому времени свойственные формы» [4, с. 46]. Одна из причин сложившегося положения, как ранее нами было отмечено, заключалась в следующем: в данный период взаимоотношения между различными социокультурными общностями (франки – галло-римляне, духовенство – миряне, христиане – язычники, элита – массы) основывались на определённом «балансе сил» [5, с. 116]. Завоеватели-франки обладали военными и политическими ресурсами, но значительно уступали местному населению по численности и уровню образованности, поэтому им приходилось взаимодействовать с представителями местной галло-римской знати, которые соглашались сотрудничать с ними. При этом в VI в. короли франков так и не стали полными хозяевами на территории Галлии [1, с. 77].

Особенностью рассматриваемого периода является то, что политическое и социокультурное сближение галло-римлян и франков происходило в рамках церкви, унаследовавшей многие черты политической культуры Рима. В данном контексте речь идёт не столько об идеях или формах поведения, сколько об организационной структуре церкви, которая во многом соответствовала римским муниципальным традициям [4, с. 47]. Епископы в ряде случаев смогли заменить слабеющую светскую власть, и некоторое время спустя церковь оказалась в положении силы, поддерживающей легитимность светских правителей [1, с. 29].

Большая часть церковной верхушки в VI в. принадлежала к коренной римской аристократии, традиционно стремившейся к получению интеллектуального образования [6, с. 399]. В это время галло-римская знать ещё сохраняла своё могущество. Известные семейства (например, Авиты, Сиагрии, Аполлинарии, Леонтии и т. п.) практически узурпировали право занимать должность епископов, в руках которых всё более концентрировалась значительная духовная и светская власть [1, с. 87]. В эпоху, когда разрушались прежние институты римской государственности, а сами римляне постепенно вытеснялись из сферы светского управления в недавно образованном Франкском королевстве, получение сана епископа для галло-римских аристократов было очень важным. Они тем самым обретали влияние и прочное положение в обществе, получали преимущество перед другими представителями знати [4, с. 49], их статус повышался [7, р. 206].

Источники этого периода обязательно отмечают, если епископ имел сенаторское звание. Об этом, в частности, сообщает в своём сочинении «История франков»² Григорий Турский – епископ г. Тур, писатель и агиограф³; в Туре

² В ссылках на данное сочинение римскими цифрами указывается том книги, арабскими – номер главы, далее – страницы.

³ Вот что Григорий Турский рассказывает о епископах: «В Клермоне после кончины святого Артемия епископом был поставлен Венеранд из сенаторского рода» (Т. II, 13, с. 42); «После этих событий почил в мире епископ города Тура, блаженный Перпетуй, носивший епископский сан тридцать лет. На его место был избран Волузиан, муж из сенаторского рода» (Т. II, 26, с. 47); «Пятым епископом поставлен был Евстохий, муж благочестивый и богобоязненный, из сенаторского рода... Шестым епископом поставлен был Перпетуй. Он, как говорят, также был из сенаторского рода, являлся родственником своего предшественника и был очень богатым человеком; владения его были в окрестностях многих городов... Седьмым епископом поставлен был Волузиан, из сенаторского рода, муж благочестивый и весьма богатый; он был родственником своего предшественника, епископа Перпетуя... Двенадцатым епископом был Оммаций, житель Клермона,

все епископы, кроме пяти, были из семьи Григория, а в остальном епископате Франкского королевства присутствовали его многочисленные родственники [7, р. 203]. Епископат передаётся братьям, племянникам⁴. Знатное происхождение является показателем не только силы и богатства, но и относительной образованности, знания римского права, государственного опыта, наконец, известной независимости. Епископы дают советы королям и решаются их порицать⁵.

Влияние епископов было велико, оно распространялось на все группы населения Франкского королевства [7, р. 197–205; 8]. По мнению Григория Турского, именно епископы являются гарантами справедливого порядка в обществе и поддерживают мир не только в их диоцезах, но и во всей Галлии; в отличие от них светские правители всё время конфликтуют, развязывают междоусобные войны [9, с. 305].

Однако во второй половине VI в. короли смогли получить право контроля за назначением епископов⁶ [6, с. 400]. Следует отметить, что в этот период епископальная церковь представляла собой значительную экономическую силу [4, с. 50]. Так, например, король Хильперик I, пытавшийся более жёстко, чем другие, подчинить своей власти галло-римский епископат, жаловался на его представителей: «Вот наша казна обеднела, вот наши богатства перешли к церквям, правят одни епископы. Нет больше к нам уважения, оно перешло к епископам городов» (Т VI, 46, с. 189). Более того, иногда между королями и епископами вспыхивала вражда. В то же время короли понимали, что епископы были наиболее влиятельными и активными посредниками между ними и населением, и обычно не шли на открытый конфликт, стараясь подчинить епископат себе путём вмешательства в избрание епископов. В свою очередь, епископат, осознавая собственное влияние и силу в обществе, очень ревностно охранял свою автономию [4, с. 50, 54].

Наряду с этим, во второй половине VI в. в королевстве франков распространяется монашество, растёт число монастырей, причём большинство из них

родом он был из сенаторов, у него были весьма обширные земельные владения... Четырнадцатым епископом поставлен был Францилион, житель Пуатье, из сенаторского рода... Восемнадцатым епископом был поставлен пресвитер Евфроний из вышеупомянутого сенаторского рода... Девятнадцатым епископом был я... Григорий» (Т. X, 31, с. 313–317).

⁴ См. в «Истории франков» Григория Турского: «Когда король стал спрашивать о святом Евфронии, ему сказали, что он приходится внуком блаженному Григорию, о котором мы упоминали выше. Король ответил: “Этот род знатный и знаменитый. Да будет воля божья и блаженного Мартина. Пусть свершится выбор”. И после того как король отдал приказание, святой Евфроний был рукоположен в епископы, восемнадцатым после блаженного Мартина» (Т. IV, 15, с. 90).

⁵ См., например: «Святой епископ Герман ему (королю Сигеберту. – Н.Б.) сказал: “Если ты туда отправишься и не станешь убивать брата своего, ты вернёшься домой с победой и невредимым; но если ты замыслишь другое, ты умрешь...” Но Сигиберт, впад в грех, пренебрёг словами епископа» (Т. IV, 51, с. 112). Сам Григорий Турский, упоминая о тяжёлой болезни короля Гунтрамна, объясняет её божественным провидением, так как правитель помышлял отправить в изгнание многих епископов (Т. VIII, 20, с. 230).

⁶ Подтверждение этого находим опять у Григория Турского: «А жители Тура, узнав, что король вернулся с поля битвы с саксами, составив грамоту на избрание пресвитера Евфрония епископом, отправились к королю. Когда они изложили ему суть дела, король ответил: “Я ведь повелел, чтобы туда посвятили в епископы пресвитера Катона, почему же пренебрегли нашим приказанием?” Они ответили: “Мы его просили, а он не захотел прийти”. Во время этого разговора неожиданно явился сам пресвитер Катон и стал умолять короля, чтобы он приказал отстранить Каутина и назначил бы его епископом в Клермон. Когда король стал смеяться над этим, Катон обратился со второй просьбой к королю, умоляя рукоположить его в епископы Тура, чем Катон раньше пренебрёг. Король ему ответил: “Я ведь с самого начала приказал посвятить тебя в сан епископа Тура, но, как я слышал, ты пренебрёг этой церковью, поэтому ты не будешь править ею”. Так посрамлённый Катон удалился» (Т. IV, 15, с. 90).

располагается в городах. Часть монастырей была основана епископами, другая – самими монахами; кроме того, основание монастырей в это время стало определённой благочестивой традицией и для королей [6, с. 403]. Епископы претендуют на власть над монахами; так, монастыри создаются только с их разрешения. Монахи же нередко стремятся освободиться как от притязаний епископов, так и от светской власти. Н.Ф. Усков отмечает, что «само понятие “городское монашество” представляется парадоксальным и внутренне противоречивым» [10, с. 284]. В соответствии с постановлениями соборов V – VI вв. епископ мог вмешиваться в быт монахов, назначать предстоятелей, распоряжаться имуществом монастыря. Уже в раннее средневековье по мере роста монашеского самосознания начинается борьба за полную автономию монастырей от епископата. Одновременно с этим городской монастырь выполнял важную функцию репрезентации епископской власти: он рассматривался «как непреременный компонент духовного окружения, сообщавшего епископской кафедре надлежащую святость и великолепие» [10, с. 290].

Первые христианские монашеские общины были мужскими. Но уже на рубеже V – VI вв. начинают создаваться женские конвенты, число которых в течение следующего столетия возросло, поэтому этот период в научной литературе получил название «героический век женского аскетизма» [11, р. 154].

В VI в. монастыри для женщин, как правило, основывались в городах, то есть там, где послушницы были защищены от внешних посягательств. К концу VI в. женские монастыри были почти во всех франкских городах [12, с. 189]. Хотя основным принципом женского монашества является его замкнутость и полная изоляция от мира, но в силу того, что женский городской монастырь выполнял важную функцию репрезентации епископской власти, он не мог быть полностью исключён из политических и социально-экономических связей [13, с. 15].

Подчеркнём особое положение именно женских монастырей в данный период. Подавляющее их большинство было основано на средства, предоставленные светскими правителями. Многие состоятельные и знатные люди отдавали в монастыри своих детей с богатым приданным [6, с. 404]; туда также предпочитали удаляться вдовы, дочери и родственницы меровингских королей [12, с. 187]. При этом монастыри оставались элементом церковной системы. Не обладая собственными значительными военными и финансовыми ресурсами, вполне обоснованно опасаясь за свою безопасность, аббатисы и настоятельницы женских монастырей подчинялись одновременно и королям, и церковным иерархам. Эти благочестивые дамы, таким образом, постоянно взаимодействовали с различными властными структурами. Женские монастыри рассматриваемой эпохи очень часто играли роль посредников между двумя ветвями власти – светской и духовной. Добавим также, что среди основательниц монастырей и монахинь было немало особ знатного происхождения, не прерывавших связь со своими могущественными родственниками.

Самым известным и наиболее влиятельным женским монастырём во Франкском королевстве VI в. был конвент св. Креста в г. Пуатье⁷, основанный

⁷ Аббатство св. Креста существует с 552 г. Это один из самых старых монастырей с непрерывной историей более сорока веков.

св. Радегундой, супругой франкского короля Хлотаря I, впоследствии ставшей монахиней. Средства для строительства монастыря были предоставлены Радегунде самим королём. Эта связь между женским монастырём Радегунды и королевским домом Меровингов имела важное значение для процветания конвента в Пуатье [14].

Влияние и известность Радегунды и её конвента вызывали беспокойство у некоторых представителей церкви. Например, пуатевенский епископ Маровей вполне обоснованно видел в Радегунде серьёзного соперника и угрозу собственному статусу духовного лидера в городе. Григорий Турский повествует о том, что произошло, когда в монастырь Радегунды прибыли из Константинополя реликвии, среди которых была частица древа св. Креста⁸. Радегунда попросила местного епископа Маровея внести их в её монастырь «со всеми должными почестями и под громкое пение псалмов» (Т. IX, 40, с. 275). Однако епископ пренебрёг её просьбой, предпочтя уехать из города в одно из своих загородных поместий. Радегунде пришлось написать королю Сигеберту, «умоляя его, чтобы по его повелению кто-нибудь из епископов поместил эти святые реликвии в монастыре с соответствующими почестями, как она того хотела» (Т. IX, 40, с. 275). Сигеберт направил Евфрония, епископа Тура⁹, исполнить просьбу Радегунды. Во время прибытия епископа из Тура и совершения им «ритуала перенесения реликвий в монастырь с громким пением псалмов, с зажжёнными свечами и при воскурении ладана» местный епископ Маровей отсутствовал (Т. IX, 40, с. 275).

Враждебное отношение пуатевенского епископа Маровея к Радегунде сохранялось и в дальнейшем. После её смерти 13 августа 587 г. он отказался руководить её похоронами и уехал из города. Монахини были вынуждены вновь обратиться в соседний город Тур к епископу (им в тот момент был не кто иной, как сам Григорий Турский), который согласился помочь (В. 23, р. 392–393; 25, р. 393–394¹⁰).

О важной роли женских монастырей в политической и социальной жизни франкского государства свидетельствуют и такие неординарные события, как восстания и бунты монахинь, которые имели место в конце VI в.

Один из мятежей вспыхнул в женском монастыре св. Креста в Пуатье в 589–590 гг. Подробности этого события описаны его современником, епископом Григорием Турским (Т. IX, 39–43, с. 272–281; X, 15–17, с. 296–302; X, 20–22, с. 305). Он был не только очевидцем, но и активным участником случившегося, к которому обращались за помощью в разрешении конфликта представители обеих сторон, поэтому в его «Истории франков» мы находим подробное описание данного происшествия¹¹.

⁸ Св. Крест (другие названия – Животворящий Крест, Истинный Крест, Крест Господень, Животворящее Древо) – крест, на котором согласно христианскому вероучению был распят Иисус Христос. Он является одним из орудий Страстей Христовых и относится к главным христианским реликвиям.

⁹ Евфроний был предшественником Григория Турского по епископской кафедре Тура.

¹⁰ В ссылках на данный источник сначала указывается номер главы, затем – страницы.

¹¹ Повествованию о смуте в женском монастыре г. Пуатье в книге Григория Турского отведено значительное место, ход конфликта показан подробно, с множеством деталей и цитированием писем участников. С большим основанием можно предположить, что для турского епископа данное событие представляло несомненный интерес и воспринималось как заслуживающее внимания.

В первую очередь стоит отметить, что монастырь св. Креста находился одновременно под королевской защитой (*Königsschutz*) [15, р. 12–13, 35] и под защитой епископа, однако не местного пуатевенского – гораздо чаще в связи с конвентом св. Креста в Пуатье упоминаются епископы Тура.

Что же сообщает нам Григорий Турский о причинах конфликта в этом монастыре? В 589 г. две монахини из этой обители, двоюродные сёстры Хродехильда и Базина, взбунтовались против своей аббатисы Левбоверы. Обе мятежницы гордились своим знатным происхождением. Хродехильда, вероятно, была дочерью Хариберта I Парижского (сына Хлотаря I, бывшего мужа Радегунды), в то время как Базина являлась дочерью Хильперика I Суассонского и его первой жены Авдоверы. Между тем в монастыре, основанном Радегундой, проживали не только знатные монахини, но и женщины более низкого статуса. Одна из них, монахиня Левбовера, возглавила монастырь св. Креста в 589 г.¹²

Хродехильда и Базина отказались подчиниться такой незнатной особе. Эти женщины, как видно из текста Григория Турского, оказались в монастыре не по своей воле. Базина была отправлена туда новой женой своего отца Фредегондой¹³. Известно, что некоторое время спустя после попадания девушки в монастырь отец решил выдать её замуж за сына короля вестготов Леовигильда. Вероятно, Базина была бы рада покинуть монастырь, который, по всей видимости, воспринимался ею как тюрьма. Однако этому воспротивилась Радегунда, заявив, что «не подобает девушке, посвящённой Христу, вновь возвращаться к земным радостям» (Т. VI, 34, с. 179–180). Базина не осмелилась выступить против Радегунды, знатной и могущественной женщины, которой покровительствовали короли и епископы. Но, когда Радегунда умерла, а новой аббатисой стала незнатная Левбовера, Базина сочла унижительным для себя подчиняться ей¹⁴.

Хродехильда, тоже попав в монастырь против своей воли, отказалась повиноваться Левбовере и вознамерилась возглавить конвент сама¹⁵. Объявив о нежелании подчиняться аббатисе, около сорока или чуть более монахинь¹⁶ под руководством Хродехильды и Базины покинули монастырь и отправились в Тур, чтобы попросить помощи и содействия у местного епископа, которым являлся Григорий Турский. Тот предложил монахиням вернуться обратно и пообещал разобраться во всём с помощью Маровея, епископа Пуатье. Несмотря на то что

¹² К сожалению, Григорий Турский не сообщает нам, как Левбовера стала главой конвента, не обладая знатностью – важным условием, обосновывающим право и способности человека к правлению в ту эпоху.

¹³ Григорий Турский пишет, что прежняя жена Хильперика Авдовера и её сын Хлодвиг были убиты по наущению королевы Фредегонды, а дочь короля Базину, «после того как её опозорили слуги королевы, отослали в монастырь» (Т. V, 39, с. 145).

¹⁴ Не последнюю роль в этом могло играть следующее обстоятельство. Мать Базины, женщина знатного рода, была сначала отослана в монастырь, а затем убита не без участия новой жены Хильперика, бывшей служанки Фредегонды. Это могло сформировать у Базины отрицательное отношение к незнатным «высочкам».

¹⁵ Автор «Истории франков» приводит слова, сказанные Хродехильдой: «Я иду к своим родственникам-королям, чтобы рассказать им о нашем унижительном положении, ибо здесь нас унижают так, словно мы не дочери королей, а рождённые от ничтожных служанок» (Т. IX, 39, с. 272). Таким образом, эта женщина не могла примириться с тем, что монастырём и монахинями руководит особа низкого статуса.

¹⁶ Это довольно много, если учесть что смерть Радегунды двумя годами ранее оплакивало около 200 монахинь (В. 21–22, р. 392). Вряд ли после смерти влиятельной основательницы конвента численность монахинь сильно возросла, скорее она могла немного сократиться. Таким образом, в восстании участвовала примерно пятая часть (или даже больше) от общего числа послушниц. Это, безусловно, свидетельствует о серьёзности и масштабности конфликта.

Григорий угрожал Хродехильде отлучением от церкви, она отказалась вернуться в монастырь и заявила о намерении отправиться за поддержкой к королю Гунтрамну.

Этот эпизод проливает свет на некоторые особенности взаимоотношений королевской власти и церкви в меровингской Галлии второй половины VI в. Как было отмечено выше, они строились на определённом «балансе сил» этих структур, нуждавшихся в условиях нестабильности во взаимной поддержке. Но вместе с тем между ними шла скрытая, а подчас и явная борьба за первенство. Показательно, что Хродехильда, не получив поддержки от епископа, решила обратиться за помощью к «родственникам-королям». Конечно, Григорий Турский не хотел, чтобы мятежные монахи прибегли к их помощи. Епископ понимал, что для упрочения влияния и авторитета церкви именно её представители должны уладить конфликт в монастыре. Это был вопрос политического лидерства.

Хродехильда отправилась к своему дяде, королю Гунтрамну в Орлеан. Тот хорошо принял её и пообещал провести тщательное расследование по этому делу с помощью своих епископов. Поверив в свой успех, Хродехильда возвратилась в Тур. Всё это время (несколько месяцев) взбунтовавшиеся монахи находились вне стен монастыря с его строгой дисциплиной. Они, как укоризненно замечает Григорий Турский, с лёгкостью забыли все монастырские правила и требования (Т. IX, 40, с. 276).

Конечно, нельзя отрицать глубину веры и серьёзность жизненного выбора многих монахинь и монахов того периода. Но далеко не все следовали данным ими обетам. Вероятно, более всего монастырская жизнь тяготила тех, кто был насильно отправлен в обители, а это прежде всего знатные женщины, от которых таким образом избавлялись их могущественные родственники. Женщин, принявших монашество, было легче контролировать, тем более что многие монастыри располагались в городах. Даже в «героический век женского аскетизма» конвенты зачастую выполняли функцию своеобразных мест заключения¹⁷. Например, Григорий Турский сообщает, что король Гунтрамн заключил в монастырь, основанный Цезарием в Арле, как в тюрьму, свою овдовевшую невестку: «Гунтрамн, отняв у Теодогильды большую часть сокровища и оставив ей немного, отправил её в Арльский монастырь» (Т. IV, 26, 96). Отметим ещё раз, что не по своей воле попали в основанный Радегундой монастырь св. Креста и зачинщицы восстания – Хродехильда и Базина.

Между тем конфликт, вспыхнувший в монастыре св. Креста в Пуатье, всё больше разгорался, перекинувшись на соседний город Тур; мятежницы дестабилизировали обстановку в нём своим присутствием. Оставшись без контроля со стороны строгой аббатисы, они не соблюдали монашеские обеты и, вероятно, вели себя, как им вздумается. При этом среди них росло внутреннее недовольство создавшейся ситуацией. Епископы, которых пообещал направить для решения спора король Гунтрамн, так и не явились. В конце концов, большинство

¹⁷ Иной взгляд предлагает М. де Йонг. Исследователь предпочитает употреблять выражение «монашеское изгнание», а не «монашеское тюремное заключение», поскольку члены правящей династии и знатных семей могли использовать пространство монастыря как место, позволяющее удалиться от опасностей борьбы между политическими конкурентами и сохранить свою жизнь в условиях социальной нестабильности [16, p. 294].

восставших монахинь решило вернуться обратно в Пуатье, чтобы самим разрешить возникшие проблемы.

Бунт начал перерастать в вооружённый конфликт. Замыслив силой изгнать неугодную им аббатису из монастыря, монахини укрылись в церкви св. Илария в Пуатье, где к ним «присоединились воры, убийцы, прелюбодеи и виновные в различных преступлениях» (Т. IX, 40, с. 276). Подобно своим современникам-мужчинам, взбунтовавшиеся женщины рассчитывали именно на силовое решение конфликта и, привлекая на свою сторону недовольных, стали готовиться к вооружённому сопротивлению. Как сообщает Григорий Турский, они оправдывали свои действия принадлежностью к королевской семье. Хродехильда и Базина гордо заявляли: «Мы – дочери королей, и мы возвратимся в монастырь не раньше, чем оттуда будет изгнана аббатиса» (Т. IX, 40, с. 276).

Представители церкви попытались предотвратить столкновение, но безуспешно. Епископы были вынуждены прибегнуть к крайним мерам: они публично отлучили от церкви всех мятежных монахинь. В ответ на это люди, примкнувшие к Хродехильде, напали на епископов прямо в церкви, так что «епископы, повергнутые на пол, с трудом могли подняться, а диаконы и прочие клирики, залитые кровью, вышли из базилики с разбитыми головами» (Т. IX, 41, с. 276). В результате Хродехильда захватила монастырские земли, назначила собственных управляющих и силой подчинила себе всех работающих на землях монастыря, осадив его своими людьми.

Ситуация явно вышла из-под контроля. Теперь уже не только епископы, но и привычные к насилию франкские короли хотели остановить своих воинственных родственников, ведь простые жители могли усомниться в их способности обеспечивать мир. Кроме того, будучи христианскими королями, они должны были оказать помощь пострадавшим епископам.

Однако до разрешения конфликта было ещё далеко. Город Пуатье практически оказался в состоянии гражданской войны. Сколько эмоций в словах Григория Турского: «И кто сможет когда-либо описать все эти беды, всё это кровопролитие и всё то зло, когда почти не происходило дня без убийства, часа – без ссоры, минуты – без слёз» (Т. X, 15, с. 298). К сожалению, нам очень мало известно о том, что происходило в действительности, из-за отсутствия других источников, кроме сочинения Григория Турского¹⁸.

В конце концов, совместными усилиями королей Хильдеберта и Гунтрамна, а также епископов двух королевств беспорядки были прекращены. Хродехильда не сдалась, что хорошо видно по её поведению на суде, состоявшемся после подавления смуты. Правосудие вершили епископы Тура, Кёльна, Пуатье, Бордо и некоторых других городов. Григорий подробно описывает ход судебного разбирательства, на котором сам присутствовал, приводит текст судебного решения (Т. X, 16, с. 299–302).

¹⁸ Григорий писал прежде всего как епископ и моралист, и, следовательно, у него были намерения акцентировать внимание на случаях нехристианского поведения людей (как правило, его личных врагов или противников церкви). Соответственно, он рассматривал свою работу как обличительную сатиру, которая должна показать неизбежность аморального, непоследовательного и агрессивного поведения людей, желающих достичь лишь мирского благополучия [17]. Как указывает П. Фуракр, стремление Григория Турского в негативном свете представить влиятельных светских людей было средством демонстрации христианского благочестия и нравственного превосходства деятелей церкви [18].

Что же касается зачинщиц конфликта, то, поскольку их преступления были признаны тяжкими, епископы потребовали, чтобы Хродехильда и Базина попросили у аббатисы прощения и возвратили то, что ими было незаконно присвоено. Но, несмотря на решение епископского суда и отлучение Хродехильды и Базины от церкви, эти женщины не считали себя проигравшими. Они привлекли на свою сторону короля, который добился для них обеих прощения и принятия в лоно церкви. Используя «неформальные каналы влияния» [19, с. 143], такие как распространение слухов, поддержка могущественных лиц и т. д., они так и остались безнаказанными.

Для нас эта история интересна тем, что она проливает свет на особенности положения монахинь, их возможность реализовывать властные амбиции. Героини данной истории были особами королевской крови. Для франкских королей и других представительниц знати, не имевших светских рычагов осуществления властных полномочий (например, Радегунды), монастырь становился альтернативным местом власти. Хродехильда и Базина не желали подчиняться незнатной особе и решили устроить свою жизнь по собственному усмотрению. Это желание было воспринято их королевскими родственниками как естественное, нашло у них понимание и поддержку. Следовательно, даже такие формы поведения женщин, как участие в бунтах, восстаниях и беспорядках, не всегда оценивались современниками отрицательно. Если подобные действия были выгодны одной из сторон – духовной или светской ветви власти, то зачинщицы конфликта, как мы видим в рассмотренном случае, даже не несли наказания.

Участие женщин в подобных событиях определялось во многом политико-правовым и социальным контекстом эпохи. В годы политической нестабильности у них появлялись шансы для активизации в социальной и политической жизни Франкского королевства; чем напряжённее становилась социальная ситуация, тем больше они имели возможностей для отказа от диктуемых обществом правил и установлений. Кроме того, в условиях «конкурентного общества» [20, с. 90], когда власть носила коллективный характер, слабая бюрократизация органов власти целиком компенсировалась широчайшей системой личных связей, в которых женщины играли не последнюю роль.

Конечно, существуют определённые проблемы, связанные с риторикой источников. Хотя такие авторы, как Григорий Турский, стремились показать иррациональность поведения мятежных монахинь, совершённые ими насильственные действия не следует считать просто бессмысленными актами агрессии [21, р. 18]. Насилие являлось частью обычных для того времени механизмов социального регулирования и было тесно связано с общественно-политической обстановкой [22, р. 244].

Итак, монастыри, в том числе женские, во Франкском королевстве второй половины VI в. представляли собой не только духовные обители, но и органы власти. Акты насилия, рассмотренные выше, не были направлены исключительно против аббатисы и конвента. Мотивы участниц были сложными, и суть их мятежа состояла в борьбе за власть. В раннесредневековый период монастыри с их имуществом и реликвиями стали важными элементами в системе семейных, епископальных и королевских взаимоотношений. В связи с этим, несмотря на свою замкнутость, женские монастыри, возникшие в королевстве

франков в VI в. играли важную роль в жизни городских поселений, выполняли не только духовные, но и социальные, экономические и политические функции.

Источники

- B. – *Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. B. Krush. – Hannover, 1888. – Т. 2, V. 2. – С. 377–395.
- T. – *Григорий Турский. История франков* / Изд. подгот. В.Д. Савукова; отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1987. – 462 с.

Литература

1. *Лебек С.* Новая история средневековой Франции: в 2 т. / Пер. В. Павлова. – М.: Скарabei, 1993. – Т. 1: Происхождение франков. V – IX века. – 352 с.
2. *Le Jan R.* La sacralité de la royauté mérovingienne // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2003. – No 6. – P. 1217–1241.
3. *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. – М.: ИВИ РАН, 2003. – 405 с.
4. *Мажуга В.И.* Королевская власть и церковь во франкском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI – VII вв.). – Л.: Наука, 1990. – С. 46–70.
5. *Бикеева Н.Ю.* Женский монастырь и его обитатели в системе межкультурных взаимодействий Франкского королевства второй половины VI века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 1. – С. 115–123.
6. *Лависс Э.* История Франции в Раннее Средневековье / Пер. с франц. О.А. Добиаш-Рождественской; под ред. И.М. Гревса. – СПб.: Евразия, 2018. – 578 с.
7. *Van Dam R.* Leadership and Community in Late Antique Gaul. – Berkeley: Univ. California Press, 1985. – 350 p.
8. *James E.* Beati pacifici: bishops and the law in sixth-century Gaul // Disputes and settlements: law and human relations in the West / Ed. by J. Bossy. – Cambridge; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 25–46.
9. *Старостин Д.Н.* От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и её образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V – VIII вв.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 488 с.
10. *Усков Н.Ф.* Монастыри в городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. – М.: Наука, 1999. – Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. – С. 284–312.
11. *Wemple S.F.* Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500–900). – Philadelphia: Univ. Pennsylvania Press, 1981. – 368 p.
12. *Фоне-Вампль С.* Женщины от V по X в. // История женщин на Западе: в 5 т. / Под общ. ред. Ж. Дюби, М. Перро; пер. с фр. под ред. Р.А. Гимадеева. – СПб.: Алетейя, 2009. – Т. 2: Молчание Средних веков. – С. 171–201.
13. *Омельченко Д.М.* Женский монастырь св. Иоанна в Арелате в первой половине VI в.: нормативная модель и практика // Диалог со временем. – 2010. – № 31. – С. 5–15.
14. *Бикеева Н.Ю.* Королева-монахиня: монастырь св. Радегунды как место власти // Адам & Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной – М.: ИВИ РАН, 2007. – № 13. – С. 7–17.

15. *Scheibelreiter G.* Königstochter im Kloster. Radegund und der Nonnenaufstand von Poitiers // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. – 1979. – H. 87. – S. 1–37.
16. *Jong M de.* Monastic Prisoners of Opting Out? Political Coercion and Honour in the Frankish Kingdoms // Topographies of Power in the Early Middle Ages / Ed. M. de Jong, F. Theuws. – Leiden, 2001. – P. 291–328.
17. *Goffart W.A.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1988. – 536 p.
18. *Fouracre P.J.* Attitudes towards Violence in Seventh- and Eighth-Century Francia // Violence and Society in the Early Medieval West / Ed. by G. Halsall. – Woodbridge: Boydell, 1998. – P. 60–73.
19. *Репина Л.П.* Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // Адам & Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2005. – № 10. – С. 140–166.
20. *Дюмезиль Б.* Королева Брунгильда / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб.: Евразия, 2012. – 560 с.
21. *Gradowicz-Pancer N.* De-gendering Female Violence: Merovingian Female Honour as an ‘Exchange of Violence’ // Early Mediev. Eur. – 2002. – V. 11, No 1. – P. 1–18.
22. *Le Jan R.* Convents, Violence and Competition for Power in the Seventh Century Francia // Places of Power in the Early Middle Age / Eds. F. Theuws, M. de Jong, C. Van Rhijn. – Leiden: Brill, 2000. – P. 243–269.

Поступила в редакцию
15.12.17

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: binata@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 3, pp. 710–722

**Convents in the System of “Balance of Powers”
in the Frankish Kingdom (Teilreich) of the Merovingians**

N.Yu. Bikeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: binata@rambler.ru

Received December 15, 2017

Abstract

The relationship between the royal power and the church in the Frankish kingdom of the 6th century has been discussed. Special attention has been paid to the role played by convents in these interactions. The Frankish kingdom, or Teilreich, was a state formation, in which the church was endowed with the functions of secular power, and secular rulers sought to acquire the attributes of religious authority. Under the conditions of political instability, weak bureaucratization, and the broadest system of personal

ties, women, including nuns, also appeared in social and political life. Therefore, the author concludes that monasteries, including convents, in the Frankish kingdom of the second half of the 6th century were not only the places of prayer and ascetic way of life, but, at the same time, the “places of power”. During the early Middle Ages, monasteries became important elements in the system of different socio-cultural and political interactions. Because of this, despite their isolation, convents became crucial in the life of urban settlements in this era, fulfilling not only spiritual, but also social, economic and political functions. Their spread in the Frankish kingdom contributed to the establishment of new social contacts and influenced the ways in which the power was realized.

Keywords: Frankish kingdom, Teilreich, convent, power structures, episcopate, balance of powers, early Middle Ages, St. Radegund, Gregory of Tours

References

1. Lebecq S. *Novaya istoriya srednevekovoi Frantsii* [New History of Medieval France]. Vol. 1: The origin of Franks. 5th – 9th centuries. Moscow, Skarabei, 1993. 352 p. (In Russian)
2. Le Jan R. La sacralité de la royauté mérovingienne. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2003, no. 6, pp. 1217–1241. (In French)
3. Paramonova M.Yu. *Svyatye praviteli Latinskoï Evropy i Drevnei Rusi: sravnitel'no-istoricheskii analiz vatslavskogo i borisoglebskogo kul'tov* [Holy Rulers of Latin Europe and Ancient Russia: A Comparative Historical Analysis of the Wenceslas and Borisoglebsk Cults]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2003. 405 p. (In Russian)
4. Mazhuga V.I. Royal power and church in the Frankish state. In: *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Evrope (VI – VII vv.)* [The Political Structures of the Feudal Era in Western Europe (6th – 7th Centuries)]. Leningrad, Nauka, 1990, pp. 46–70. (In Russian)
5. Bikeeva N.Yu. Nunnery and nuns in the system of cross-cultural interrelations of late 6th-century Frankish kingdom. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2009, vol. 151, no. 2, pt. 1, pp. 115–123. (In Russian)
6. Lavis E. *Istoriya Frantsii v Rannee Srednevekov'e* [The History of France in the Early Middle Ages]. St. Petersburg, Evraziya, 2018. 578 p. (In Russian)
7. Van Dam R. *Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Berkeley, Univ. California Press, 1985. 350 p.
8. James E. Beati pacifici: Bishops and the law in sixth-century Gaul. In: *Disputes and Settlements: Law and Human Relations in the West*. Bossy J. (Ed.). Cambridge; New York, Cambridge Univ. Press, 1983, pp. 25–46.
9. Starostin D.N. *Ot Pozdnei Antichnosti k Rannemu Srednevekov'yu: Formirovaniye struktur vlasti i ee obrazov v korolevstve frankov v period pravleniya Merovingov (V – VIII vv.)* [From the Late Antiquity to the Early Middle Ages: Formation of the Structures of Power and Its Images in the Kingdom of the Franks during the Reign of the Merovingians (5th – 8th Centuries)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017. 488 p. (In Russian)
10. Uskov N.F. Monasteries in the city. In: *Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoi Evropy* [The City in the Medieval Civilization of Western Europe]. Vol. 1: The phenomenon of medieval urbanism. Moscow, Nauka, 1999, pp. 284–312. (In Russian)
11. Wemple S.F. *Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500–900)*. Philadelphia, Univ. Pa. Press, 1981. 368 p.
12. Fone-Vampl S. Women in the 5th – 10th centuries. *Istoriya zhenshchin na Zapade* [History of Women in the West]. Vol. 2: Silence of the Middle Ages. Duby G., Perreault M. (Eds.). St. Petersburg, Aleteiya, 2009, pp. 171–201. (In Russian)
13. Omel'chenko D.M. The convent of John the Baptist in Arelat in the first half of the 6th century: Regulatory Model and Practice. *Dialog so Vremenem*, 2010, no. 31, pp. 5–15. (In Russian)
14. Bikeeva N.Yu. Queen Nun: The Monastery of Sainte-Radegonde as a place of power. *Adam & Eva. Al'manakh Gendernoi Istorii*. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2007, no. 13, pp. 7–17. (In Russian)
15. Scheibelreiter G. Königstochter im Kloster. Radegund und der Nonnenaufstand von Poitiers. *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*, 1979, H. 87, S. 1–37. (In German)

16. Jong M de. Monastic prisoners of opting out? Political coercion and honour in the Frankish kingdoms. In: *Topographies of Power in the Early Middle Ages*. de Jong M., Theuws F. (Eds.). Leiden, 2001, pp. 291–328.
17. Goffart W.A. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1988. 536 p.
18. Fouracre P.J. Attitudes towards violence in seventh- and eighth-century Francia. In: *Violence and Society in the Early Medieval West*. Halsall G. (Ed.). Woodbridge, Boydell, 1998, pp. 60–73.
19. Repina L.P. Gender hierarchy and the “power of women”: Individual experience in social context. *Adam & Eva. Al'manakh Gendernoi Istorii*. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2005, no. 10, pp. 140–166. (In Russian)
20. Dumézil B. *Reine Brunehaut*. Fayard, 2008. 559 p. (In French)
21. Gradowicz-Pancer N. De-gendering female violence: Merovingian female honour as an ‘exchange of violence’. *Early Medieval Europe*, 2002, vol. 11, no. 1, pp. 1–18.
22. Le Jan R. Convents, violence and competition for power in the seventh century Francia. In: *Places of Power in the Early Middle Age*. Theuws F., de Jong M., Van Rhijn C. (Eds.). Leiden, Brill, 2000, pp. 243–269.

⟨ **Для цитирования:** Бикеева Н.Ю. Женские монастыри в системе «баланса сил» во Франкском государстве Меровингов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 710–722. ⟩

⟨ **For citation:** Bikeeva N.Yu. Convents in the system of “balance of powers” in the Frankish kingdom (Teilreich) of the Merovingians. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 710–722. (In Russian) ⟩